

История песни «Лучинушка»

Михаил В. Строганов

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
Москва, Россия;*

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия; mvstroganov@gmail.com*

Аннотация. История народной песни «Лучинушка» («Лучина, лучина березовая») в XIX–XX вв. является фактически историей ее актуализации. В собственно народной среде песня сохраняется в женском репертуаре, и все изменения вызываются лишь реалиями нового времени. На эстраде песня переходит из женского репертуара в мужской, а из семейно-бытовой превращается в медитативно-лирическую (жанр, неизвестный народной песне). Параллельно формируются песенные тексты, которые компенсируют этот переход (например, песня «Ночь темна-темнехонька»). Эта история показывает, что при актуализации культурного наследия народа практически невозможно сохранить народный взгляд на мир, и поэтому любая актуализация культурного наследия оказывается, по сути, кичевым ответом на запрос современности. Процессы, которые мы обнаруживаем в истории песни «Лучина, лучинушка березовая», легко наблюдаются и в истории актуализации любых других явлений традиционной культуры, в том числе и прикладных. Осознание этого процесса не должно остановить движение по усвоению и пропаганде народного наследия. Но не следует и обманывать себя на предмет адекватности форм этого усвоения и пропаганды в собственно народной культуре. Только ясное и полное осознание того, что любое усвоение народной культуры оказывается по сути невольным искажением ее, может привести к продуктивным результатам актуализаторской деятельности.

Ключевые слова: необрядовая народная песня, актуализация, массовая культура, «Лучинушка»

© Строганов М.В., 2019

Краткая и не вполне исправная редакция этой статьи была опубликована в [Строганов 2017]. В настоящей редакции я пытался исчерпать материал и сделать выводы более точными. Благодарю Л.А. Тимофееву и Т.Г. Иванову, чьи ценные консультации помогли моей работе над этой темой.

Для цитирования: Строганов М.В. История песни «Лучинушка» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. № 2 (2). С. 93–136. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-93-136

The song “Luchinushka”: a history

Mikhail V. Stroganov

*A.N. Kosygin Russian State University, Moscow, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; mvstroganov@gmail.com*

Abstract. The history of the folk song “Luchinushka” (“Luchina, luchina berezovaya”) in the 19th and 20th centuries is, in fact, a history of its actualization. In folk tradition the song is restricted women’s repertoire, with all the changes occurring due to the realities of the new times. On popular scene the song transfers from women’s repertoire to men’s and becomes a meditative lyrical piece (a genre unknown to folk songs) instead of a family everyday one. In the same time, song texts are formed that compensate this transfer (e.g., the song “Noch’ temna-temnyokhon’ka”). This demonstrates how it is nearly impossible to keep the folk worldview intact while actualizing folk cultural heritage, therefore any actualization of cultural heritage is, in essence, a kitch reaction to a contemporary demand. The processes exemplified by the history of the song “Luchina, luchinushka berezovaya” are easily seen in history of actualization of any other phenomena of traditional culture, including applied ones. Being aware of this process does not imply that one should stop in one’s attempt to incorporate and promote folk heritage. Yet it is also unadvisable to believe that forms of such incorporation and propaganda are relevant to the folk culture itself. The only way to achieve productive actualization is to understand clearly and fully that any incorporation of folk culture is, in essence, an unintentional distortion of it.

Keywords: non-ritual folk song, actualization, mass culture, “Luchinushka”

For citation: Stroganov M.V. The song “Luchinushka”: a history. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2019; 2 (2): 93-136. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-93-136

Речь в статье пойдет о песне «Лучинушка», первая строчка которой «Лучина, лучинушка березовая». Мы не будем далее оговаривать это, но просим учитывать, что речь идет не о жестоким романсе «То не ветку ветер клонит», который также называют «Лучиной»/«Лучинушкой» (музыка А.Е. Варламова, стихи С.С. Стромиллова, 1840-е). В народном репертуаре, в традиционной культуре «Лучина, лучинушка березовая» – это вовсе не самая

популярная песня, но за пределами народной культуры эта песня принадлежит к числу брендовых. Она была актуализирована уже давно и неоднократно в разные периоды жизни России получала разные интерпретации. Народная традиционная культура как таковая в настоящее время практически не существует, но зато активно проявляет себя тенденция – общественная, с одной стороны, и государственная, с другой, – актуализировать наследие традиционной культуры. Однако актуализация любого явления культуры прошлого означает включение явления в чуждый ему контекст, разговор с этим явлением на чуждом ему языке. При этом само это явление подвергается вполне естественной деформации. История актуализации «Лучинушки» в XIX–XX вв. оканчивается историей приобретений и потерь, почему к нему стоит приглядеться внимательнее. Мы попытаемся развеять многочисленные мифы и недоразумения, которые окружают «Лучинушку» со всех сторон и которые сформировались отчасти в результате осознанной деятельности работников и исследователей культуры, а отчасти в результате ошибочного сопоставления фактов. Но и в том, и в другом случае – из благих намерений актуализировать наше наследие. Литература вопроса невелика, но обзоры упоминаний и переложений «Лучинушки» в русской литературе XIX в. известны, и они помогают нам в сборе материала [Сидельников 1959; Сидельников 1965; Шнейдерман 1966].

1

Первая запись этой песни принадлежит А.С. Пушкину, что придает ей особое значение. Вместе с тем эта запись была опубликована только в 1913 г. [Сперанский 1913: 211] и поэтому не могла повлиять на репутацию песни:

1. Беседа моя, беседашка, беседа смирна!
Во той во беседашке девицы сидят,
Девицы сидят, речи говорят:
«Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была?»
– Я была в печи вчерашней ночи,
Лихая свекровушка воду пролила,
Воду пролила, меня залила. –
Сестрицы, голубушки, ложитесь спать:
Ложитесь спать, вам некого ждать!
А мне, красной девице, всю ночьку не спать –
Кровать убирать, мила дружка ждать;

Убравши кроватушку, сама лягу спать.
 Первый сон уснула – без миленького;
 Второй сон уснула – без сердечного;
 Третий сон уснула – зоря белый день.
 Из-под белой зорюшки мой милый идет,
 Собольею шубочкой пошумливает,
 Пуховую шляпочкой помахивает,
 Сафьянны сапожки поскрыпывают;
 «Что ж ты, добрый молодец, давно не пришел?»
 – Душа красна девица, позамешкался:
 С угрюмой женой побранка была,
 Журила, бранила тебя и меня.
 Тебя, мою душеньку, курвой назвала;
 А я ее бил, бил, чуть живу пустил. –
 «Не бей, не бей, молодец, угрюмой жены:
 С угрюмой женою тебе век вековать,
 Со мной, красной девицей, ночьку ночевать»
 [Пушкин 1977: 402–403],
 ср. [Благой и др. 1968: 196–197, № 20].

С.А. Бугославский считал, что по вине переписчика эта запись является контаминацией, «механическим соединением» трех песен: «Беседа моя, беседашка» (первые три строки), «Лучинушка» (строки 4–10) и «Сестрицы, голубушки, ложитесь спать» (со строки 11 до конца) [Бугославский 1941: 195]. Между тем этот переписчик сделал к песне два важных примечания. Первое примечание: «Первых трех стихов обыкновенно не поют» – означает, что эти стихи не относятся к данной песне. А к стиху 22 «Сафьянны сапожки поскрыпывают» сделано примечание:

В новейших песенниках: Натуральной тросточкой постукивает.
 И песня кончается этим стихом. Остальные же внесены в другую:

Сказали про молодца, будто без вести пропал,
 Сказали – удаленький в синем море утонул;
 А нонёче молодец по улице прошел,
 Любимую песенку шибко-громко просвистал.
 Насвисточку свищет, голос в терем подает:
 Услышала б девица удалого молодца,
 Горела б у девицы воску ярого свеча,
 Ждала б красна девица удалого молодца.
 – А что ж, добрый молодец, давно не пришел?
 – Душа красна девица... – и проч.
 [Пушкин 1977: 402–403; Благой и др. 1968: 196, 197].

А.Д. Соймонов считал, что автором этих примечаний был сам П.В. Киреевский [Благой и др. 1968: 225], но с этим трудно согласовать тот факт, что в архиве Киреевского были варианты песни с этим диалогом девицы и молодца (2, 3), причем один из них записан самим Киреевским. Из этого следует, что П.В. Киреевский вряд ли мог сказать, что песня заканчивается описанием молодца.

Ссылкой на «переписчика», который контаминировал тексты, С.А. Бугославский хотел отвести от Пушкина упреки в недоброкачественной записи текста, и в известном отношении он преуспел в этом: во всяком случае с 1941 г. по наши дни никто не ставит под сомнение достоинства Пушкина как фольклориста-собиравателя. Но судя по приведенным примечаниям, «переписчик» и сам прекрасно понимал, что начало данного текста (первые три стиха) не относится к песне о лучинушке, и был прав. Правда, мнение его о том, что конец песни (со стиха 23) относится к другой песне, противоречит полевым материалам. Во-первых, мы не обнаружили отдельные записи песни, которая, в соответствии с утверждением С.А. Бугославского, начинается словами «Сестрицы, голубушки, ложитесь спать» или каким-то вариантом на тот же сюжет. Во-вторых, нам известны еще три варианта песни с зачином о лучине и тем же окончанием, как и в записи Пушкина. Приведем их все:

2. Лучина, лучинушка березовая,
 Ах, что ж ты, лучинушка, не жарко горишь?
 Не жарко горишь, отсвечиваишь?
 Или ты, лучинушка, в печи не была?
 – Была я в печи вчерашней ночи,
 Меня злая свекровушка водой подлила,
 И мне, красной девушке, и спать не дала.
 Сестрицы-подруженьки, ложитесь спать,
 Ложитесь спать, ведь некого ждать,
 А мне, красной девушке, во всю ночь не спать,
 Во всю ночь не спать, постель убирать,
 Убравши кроватушку, мила друга ждать.
 Скрыпнули вороточки дубовенькие,
 Звякнули колеченки серебряные,
 На самой на зорюшке мой милой пришел,
 На нем кунья шубушка
 Сапожки на ножках поскрипывают:
 – Чего ты, мой сердечный друг, так поздно пришел?
 – Сударушка-деушка, не время была,
 Со угрюмой женой у нас побранка была,
 Журила-бранила тебя и меня.

– Не бей, не бей, милой друг, угрюму жену,
Тебе с нею, милой друг, весь век вековать,
А со мной, с красной душкой, один час часовать
[Благой и др. 1968: 560]. *Песня записана К.Д. Кавелиным.*

3. Лучина ль, лучинушка березовая!
Что ж ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была?
– Была я в печи вчерашней ночи.
Лютяя свекровушка водой залила.
Подружки, голубушки, гасите огонь,
Гасите огонь, ложитесь спать,
Ложитесь спать: вам некого ждать,
А мне, молодешеньке, всё ночь не спать,
Кровать убирать, постелюшку стлать,
Постелюшку стлать, мила дружка ждать.
Первый сон заснула – петухи поют,
Другой сон заснула – заря занималась,
Третий сон заснула – заря белый день.
По той ли по зорюшке мой миленький идет;
Соболья на нем шуба пошумливает,
Козловы сапожки поскрипывают,
Он черными кудрями потряхивает.
«Что же ты, мой миленький, вечер долго не бывал?»
– Затем-засем, девица, позамешкался,
С худою женою побранка была.
Бранила тебя, друг, и меня.
Тебя, красну девицу, сукой, бл...ю назвала,
А меня, доброго молодца, борзым кобелем.
Я бил ее, бестию, чуть живу на свет пустил. –
Уж тут красная девица насмеялася в глаза:
«Не бей, не бей, молодец, свою глупую жену:
С худою-то женою тебе век вековать,
Со мной, с красной девицей, один час часовать»
[Сперанский 1917: 80–81, № 1453].
Песня записана П.В. Киреевским.

4. Лучина, моя лучинушка
Березовая!
Что же ты, моя лучинушка,
Не ясно горишь?
Не ясно горишь –
Отсвечиваешь?

Или ты, лучинушка,
В печи не была,
В печи не была,
Не высушена?
Была я в печи
Вчерашней ночи –
Лютая свекровушка
Вытащила,
Лихая золовушка
Водой облила...
Кумушки, подруженьки,
Ложитесь спать!
Ложитесь спать:
Вам некого ждать,
А мне, молодешеньке,
Всю ночь не сыпать:
Постель снаряжать,
Мила дружка ждать.
Я первый сон заснула –
Моего милого нет;
И другой заснула –
Слыхом не слышать;
Я третей заснула –
Белый день, заря...
А по той по зореньке
Мой милый идет:
Сапожки на ножках
Поскрипывают,
Китайчатая шубонька
Пошумливает...
Что же ты, миленький,
Вчера не пришел?
– Я, моя милая,
Призамешкался:
С худою женошкой
Побранка была;
Побраночка была;
И не маленькая:
Уж я так ее бранил, –
Чуть живую пустил! [Васнецов 1894: 136–137]

Итак, судя по этим записям, речь в песне идет о незамужней девице, которая ожидает к себе «мила друга», любовника, и когда тот приходит, говорит ему, что их связь не может быть вечной,

поэтому ему не стоит рвать отношения с женой. Причем более ранние варианты (1–3) определенно указывают статус героини: «красная девушка (девица)». Более поздний вариант (4) не дает такой определенности, отсутствует здесь и поучение девушки своему любовнику. Девичий статус героини песни вступает в очевидное противоречие с тем, что в зачине упоминается «лютая свекровь», которая залила лучину.

Между тем текст, записанный А. Васнецовым (4), который отмечал, что песня была плясовой (с этим и связана графика текста), был напечатан ранее других, в 1891 г. Текст, записанный П.В. Киреевским (3), был напечатан в 1911 г.; пушкинская запись (1) – в 1913 г.; запись К.Д. Кавелина (2) – в 1968 г. И, судя по графике этих трех записей, собиратели считали песню протяжной (об этом есть и другие свидетельства, которых мы коснемся позднее). Но в любом случае на протяжении практически всего XIX в. этот сюжет в таком именно виде (с диалогом молодца и девицы) не был опубликован и мог быть известен только тем, кто слышал его в живом исполнении. В этом отношении примечание к пушкинскому тексту свидетельствует о большой редкости данного варианта, который, видимо, уходил из активного бытования.

Была же опубликована (и еще при жизни А.С. Пушкина) другая версия этой песни – в популярном сборнике Д.Н. Кашина в числе протяжных песен текст был иной: отсутствовал последний эпизод, диалог девицы и ее любовника:

5. Лучина, лучинушка березовая!
 Что же ты, лучинушка, неясно горишь,
 Неясно горишь, горишь, не вспыхиваешь?
 Или ты, лучинушка, в печи не была?
 Или ты, лучинушка, не высушена?
 Или свекровь лютая водой подлила? –
 «Подружки, голубушки, ложитесь спать;
 Ложитесь, подруженьки, вам некого ждать;
 А мне, молодешеньке, всю ночьку не спать;
 Всю ночьку не спать, младой: постелюшку стлать,
 Постелюшку стлать-то мне, мила друга ждать» –
 Первый сон заснула я: мила друга нет;
 Другой сон заснула я: сердечного нет;
 Третий сон заснула я: заря, белый свет!
 По белой по зорюшке мой милый идет:
 Сапожки на ноженьках поскрыпывают;
 Соболина шубушка пошумливает;
 На шубушке пуговки погремливают

[Кашин 1833: 61, № 16]. Тот же текст см.: [М. М. 1837: 17–18]; [Григорьев 1894: 133, № 85] (до строчки «Постелюшку стлать-то мне, мила друга ждать!»); [Соболевский 1896: 470, № 557]. Отдельные нотные издания этой обработки песни см.: [Лучина 1848; Лучина 1927].

Потом появились другие варианты этой версии, которые следует разделить на две группы. К первой группе относятся варианты, в которых основной сюжет излагается в той же последовательности, хотя каждый раз с большей степенью редукции финальной части: приходит милый друг, и девушка задает ему вопрос, почему он давно не бывал, вопрос этот остается без ответа (6); приходит милый друг (7); «молодешенька» (в данном случае скорее всего молодуха) сообщает подружкам, что ей «всю ночь не спать, мила друга ждать» (8), «свою мужа ждать» (9).

6. Лучина ль, лучинушка березовая!
 Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
 Не ясно горишь, отсвечиваешь?
 Али ты, лучинушка, в печи не была?
 – Была я в печи вчерашней ночи,
 Вчерашней ночи в углу на печи;
 Лютая свекровушка сердита была,
 Меня ли лучинушку водой подлила. –
 Подружки, голубушки, ложитесь спать,
 Ложитесь спать: вам некого ждать;
 А мне, молодешеньке, всё ночь не спать,
 Всё ночь не спать, кровать убирать,
 Кровать убирать, мила дружка ждать...
 Не дожdamши милого, ложилася спать.
 Первый сон заснула – нету никого;
 Другой сон заснула – не бывал никто;
 Третий сон заснула – заря белый день.
 По зорьке по беленькой милый идет;
 Кунья на нем шубочка пошумливает,
 Козловы сапожки поскрыпывают.
 Пуховую шляпочкой помахивает.
 Что ж ты, добрый молодец, давно не бывал? [Миллер,
 Сперанский 1911: 119, № 1589] *Песня записана*
П.В. Киреевским, д. Воронки Звенигородского у. Московской губ.

7. Лучина, лучинушка березовая!
 Ах, что ж ты, лучинушка, не ясно горишь,
 Не ясно горишь, не вспыхиваешь?

Али ты, лучинушка, в печи не была,
 В печи не была, не высушена?
 Аль тебя, лучинушка, свекровь подлила?
 Подружки, голубушки, ложитесь спать,
 Ложитесь спать, вам некого ждать!
 А мне молодешеньке всю ночь не спать,
 Постелюшку стлать, мила дружка ждать.
 Первый сон заснула – милой не бывал;
 Другой сон заснула – сердечного нет;
 Третий сон заснула – заря-белый свет.
 По утренней зорюшке мой милой идет:
 Сапожки на ножках поскрипывают,
 Соболья шубочка пошумливает,
 Меня молодешеньку побуживает!
 [*Подарок любителям пения 1876*]; *перепеч.*: [Розанов 1944:
 65–66]. Ср. также: [Тақун 2005]. *Первые 10 строк этого варианта (с пропуском строк о свекрови) поет Тамара Милашкина*¹.

8. Лучина, лучинушка березовая!
 Что же ты, моя лучинушка, неясно горишь,
 Неясно горишь, не вспыхиваешь?
 Али ты, лучинушка, в печи не была,
 В печи не была, не высушена?
 – Я была в печи вчерашней ночи;
 Лютая свекровушка в печку лазила,
 Меня, горькую лучинушку, все залила,
 Девушки-подруженьки, ложитесь спать,
 Ложитесь спать, вам некого ждать!
 А мне, молодешеньке, всю ночь не спать!
 Всю ночь не спать, мила друга ждать...
 [Варенцов 1862: 101; Соболевский 1896: 470–471, № 558].

9. Лучина, лучинушка березовая,
 Что же ты, лучинушка, не жарко горишь?

Что же ты, лучинушка, не жарко горишь?
 Аль, моя лучинушка, в печи не была?

Аль ты, моя лучинушка, в печи не была?
 – Я была в печи вчерашней ночи.

¹ <http://russian-retro.com/video/4083-tamara-milashkina-luchinushka.html?playlist=416>

– Я была в печи вчерашней ночи.
Ох, лютая свекровушка в печку лазала.

Лютая свекровушка в печку лазала
И меня, лучинушку, водой залила.

И меня, лучинушку, водой залила.
Подружки, голубушки, подите домой.

Подружки, голубушки, подите домой.
Подите домой, ложитесь вы спать.

Подите домой, ложитесь вы спать.
Ложитесь вы спать, вам некого ждать.

А мне, молодешеньке, всю ночь не спать,
Свою мужа ждать [Корш 1909: 9–11].
Зап. д. Андреевка, Лусара Кирилловского у.

Ко второй группе песен относятся варианты, в каждом из которых после диалога невестки с лучиной развивается самостоятельный сюжет, но все они так или иначе варьируют идею сложных отношений в традиционной крестьянской семье.

10. Лучина, лучина березовая!
Что же ты, лучина, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не светло светишь?
Будто ты, лучина, в печке не была,
В печке не была, жару не дала!
Зла, лиха свекровушка щами залила,
Щами залила, пеплом загребла!
Сын ли, мой сыночек, сын любезный мой,
Что жену не учишь, людям не велишь?
Взял со спицы плеть, повел жену в клеть;
Стегал по стене, сказал по спине;
Стегал по пазам, сказал по глазам;
Стегал по полену, сказал по колену;
Стегал по перине, сказал по Орине.
Сын мать утешил, жену не гневил.
Жена его плачет, губы надувает,
Губы надувает, всю семью ругает:
Будь ты проклятая, большая семья,
Большая семья, несогласная! [Гуляев 1848: 100, № 8 («круговая»); Соболевский 1897: 473, № 588].

11. Ты лучина ль, лучинушка, лучина моя!
 Что ж ты, лучинушка, не ясно горишь?
 Что ж ты, хозяйюшка, не весело сидишь?
 Аль у те, хозяйюшка, хозяина нет?
 – Уж уехал-то хозяин в поле пашеньку пахать,
 Приказал сударь-хозяин в поле завтракать нести. –
 И я попашу, сам на солнце погляжу.
 Вот и солнушко на обеде, жена есть не несет,
 И я выпрягу лошадушку, поеду домой,
 И я вырежу лозу на упрямую жену.
 Подъезжаю ко двору, жена ходит по двору.
 Уж набелена жена, нарумянена.
 Я спрошу у своей жене, спрошу у барыни своей:
 «И ты где, жена, была, где погуливала?»
 – Я была, сударь, была я у крестничков твоих,
 За твое, сударь, здоровье чару выкушала. –
 «Ай спасибо же, жена, не забыла про меня».
 – Уж как мне тебя забыть, я не знаю, как избыть!
 [Миллер, Сперанский 1911: 98, № 1515]. Песня записана
П.В. Киреевским, с. Ильинское Звенигородского
у. Московской губ.

12. Лучина, лучинушка березовая,
 Да что ты, лучинушка, не жарко горишь?
 Да что ж ты, березовая, не вспыхиваешь?
 Али ты, лучинушка, в печи не была?
 – Я была в печи в вчерашней ночи:
 Бóльшая невесточка денщицей была,
 Березовую лучинушку водой полила.
 Да что ж ты, Прасковьюшка, не весело сидишь?
 Али у тебя, Прасковьюшка, голова болит?
 Али у тебя, Ивановна, сердечко щемит?
 Али у тебя, Прасковьюшка, горе прибыло?
 Не ходи, Прасковьюшка, к Ивану в сад,
 Не прокладывай, Ивановна, в садочек следок.
 Не рви же, Прасковьюшка, в саду яблоки:
 Ивановы яблоки рассыпчатые,
 Рассыпчатые, приманчивые
 [Миллер, Сперанский 1911: 189 (2-й паг.), № 685].

Неважно, каковы отношения мужа и жены в семье. Муж может любить жену и только симулировать строгое отношение к ней в угоду своей матери (10); жена может не любить мужа и стремиться «избыть» его (11). Но в любом случае в этих вариантах семейно-

бытовая песня о неустроенности семейного уклада перерождается в хороводную (у С. Гуляева – «круговая») или даже плясовую песню. Особое место среди всех этих записей занимает текст, записанный А. фон Кремером в Бобровском у. Воронежской губ. (12), который опубликован П.В. Киреевским среди свадебных песен князьего стола. И на самом деле здесь семейно-бытовая «Лучинушка» контаминирована с песней, в которой ярко выражена эротическая символика свадебных песен. Как мы увидим чуть ниже, эта тенденция не нашла развития в дальнейшем.

2

Параллельно с текстом «Лучинушки», который оканчивался приходом «друга милого» (не разговором с ним), формировался сокращенный вариант песни, ограничивающийся диалогом героини и лучины. Статус героини не определен и только вычисляется из упоминания «лютой свекрови». Записей этого типа в XIX в. очень немного.

Впервые сокращенную версию «Лучинушки» опубликовал А.Л. Гурилев (видимо, в 1840-х гг.). В его аранжировке² мы впервые видим песню протяжной и короткой, даже излишне короткой, так что конфликт молодухи и свекрови остался за ее пределами:

13. Лучина моя, лучинушка березовая,
 Что же ты, лучинушка, не ясно горишь?
 Или ты, моя лучинушка, в печи не была?
 Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
 Али ты, лучинушка, в печи не была?

Другие известные записи приведем в порядке их публикации:

14. Лучина моя, лучинушка березовая!
 Что же ты, моя лучинушка, не жарко ты горишь?
 Или ты, моя лучинушка, в печи не была?
 – Я была в печи, в печи вчерашней ночи;
 Лютая моя свекровушка в печку лазила,
 В печку она лазила, лазила, воду ставила,
 Воду она ставила, ставила, да чугуна воды разлила;
 Всю меня, лучинушку, все залила [Русские песни 1879: 10,
 № 8 («хоровая»); Соболевский 1896: 471, № 559].

² Лучина, лучинушка березовая. Обработка А. Гурилева. Ноты. Режим доступа: [http://www.notarhiv.ru/ruspesni/noti/1%20\(158\).pdf](http://www.notarhiv.ru/ruspesni/noti/1%20(158).pdf)

15. Лучина, лучинушка березовая,
 Березовая поёрзывала,
 Осиновая поскриповала;
 А что-ж ты, лучинушка,
 Не жарко горюшь?
 Не светло светишь?
 Али ты лучинушка
 В печи не была?
 – Была я в печи
 Вчерашней ночи,
 Лютая свекровь
 Водой подлила,
 Всё залила [Сперанский 1929: 12].
 Песня записана *К.Д. Кавелиным*.

16. Лучина моя, лучинушка березова,
 Что же ты, березова, не вспыхиваешь?

Что же ты, березова, не вспыхиваешь?
 Али ты, моя лучинушка, в печи не была?

Али ты, моя лучинушка, в печи не была?
 – Я была в печи вчерашней ночи.

– Я была в печи вчерашней ночи.
 Лютая свекровушка в печку лазила.

Лютая свекровушка в печку лазила
 И меня, лучинушку, водой залила [Корш 1909: 7–8].
 Зап. д. Ананьина Белозерского у.

17. Лучина моя, лучинушка березовая!
 Что же ты, моя лучинушка, неярко горюшь?

Али ты, моя лучинушка, в печи не была,
 В печи не была, не высушена?

Али ты, моя березова, не высушена?

Али ты, моя березова, не высушена?
 – Я была в печи, в печи вчерашней ночи;

– Я была в печи, в печи вчерашней ночи;
 Лютая моя свекровушка в печку лазала.

Лютая моя свекровушка в печку лазала
 И меня, лучинушку, водой залила [Корш 1909: 3–6].
 Зап. д. *Новая Старина Белозерского у.*

Заметим несколько в сторону от нашего основного сюжета, что записи Е.Э. Линевой (9, 16, 17) принципиально отличаются от всех остальных, поскольку их музыкально-ритмическое строение имеет куплетную форму: вторая (последняя) строка предыдущей ритмико-мелодической группы повторяется в качестве начальной (первой) строки следующей ритмико-мелодической группы. Возможно, это на самом деле местная особенность данной песни, которая не встречается ни в каких других регионах; но может быть, что такая композиция стала следствием особенностей гармонизации, которых придерживалась Е.Э. Линева.

Запись, сделанная Ю.Н. Мельгуновым и опубликованная в 1879 г. (14), стала квинтэссенцией всех последующих толкований «Лучины». Песня была о сложных отношениях в крестьянской семье. Свекровь, конечно, была лютой. Но ведь и сама молодуха не промах, раз принимала по ночам своего прежнего друга милого. Усечение той или иной части песни лишало ее настоящей сложности. Но это усечение делало жизнь замужней женщины поистине безысходной. Однако версия, предложенная Гурилевым, где отсутствовало и упоминание свекрови, имела другое преимущество: она стала доступна для исполнения не только женщинам, но и мужчинам. Неярко горящая лучина становится символом несчастной жизни, и этого оказывается вполне достаточно для того, чтобы песня продолжала существовать. И надо признать, что общая тенденция развития этой песни шла именно в направлении экспансии сокращенной версии.

Вместе с тем нельзя сказать, что сокращенная версия «Лучинушки» в фольклорном бытовании XX в. стала преобладающей. Как показывают фольклорные материалы Тверской области, собранные в 1990–2010-е гг. (этот фонд в настоящее время хранится в Государственном Российском Доме народного творчества им. В.Д. Поленова, и все полевые материалы цитируются только по нему, поэтому поэтому дополнительных ссылок на него мы не делаем), мы имеем следующую картину.

Полная версия песни представлена шестью записями (но две записи сделаны от одной и той же исполнительницы с промежутком в два года, поэтому мы приводим только пять вариантов и различия, зафиксированные у этой исполнительницы):

18. Лучина, лучинушка березовая!
Ах, что ж ты, лучинушка, неясно горишь,
Неясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была,
В печи не была, не высушена?
Аль тебя, лучинушка, свекровь подлила?

Подружки, голубушки, ложитесь спать,
 Ложитесь спать, вам некого ждать!
 А мне молодешеньке всю ночь не спать,
 Постелюшку стлать, мила дружка ждать.
 Первый сон заснула, милой не бывал,
 Другой сон заснула, сердечного нет,
 Третий сон заснула, заря белый свет.
 По утренней зорюшке мой милой идет:
 Сапожки на ножках поскрипывают,
 Соболья шубочка пошумливает,
 Меня, молодешеньку, побуживает!
 (А.П. Чайникова, 70 лет, Западная Двина, 2003).

19. Лучина, лучинушка березовая!
 Что же ты, лучиница, неясно горишь?
 Неясно горишь, не вспыхивашь?
 Или ты, лучица, в печи не была?
 Или ты, лучица, не высушена?
 Или свекровь люта водой подлила?
 Подружки-голубушки! Ложитеци спац,
 Ложитеци, подруженьки, вам некого ждац.
 А мне, молодешеньке, всю ночь не спать, мила друга ждать.
 Первый сон заснула я – мила друга нет,
 Другой сон заснула я – сердечного нет.
 Третий сон заснула я – заря, белый свет.
 По белой по зорюшке мой милый идет:
 Сапожки на ножках поскрипывают,
 Соболина шубушка пошумливает,
 На шубушке пуговицы погрёмывают
 (Е.С. Гамзolina, 81 год, д. Ванюнкино Удомельского р-на,
 1990-е).

20. Лучина, лучинушка березовая,
 Что же ты, лучинушка, неясно горишь,
 Неясно горишь, не вспыхиваешь?
 Или ты, лучинушка, не высушена?
 Или свекровь лютая водой залила?
 Подруженьки, голубушки, ложитесь спать,
 Ложитесь, подруженьки, вам некого ждать!
 А мне, молоденьке, всю ночь не спать.
 Всю ночь не спать, младой, постелишку стлать.
 Постелишку стлать-то, мила друга ждать.
 Первый сон заснула я – мила друга нет.
 Другой сон заснула я – сердечного нет.

Третья сон заснула я – заря, белый свет!
По белой по зорюшке мой милый идет,
Сапожки на ножке поскрипывают.
Соболиная шубушка пошумливает,
Меня, молоденьку, побуживает! (М.В. Царева, 1920 г. р.,
д. Тишково Бологовского р-на, 10–22.07.1990).

21. Лучина, лучинушка березовая!
Что ж ты, лучина, неясно горишь,
Неясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, во печи не была?
– Я была в печи вчерашней ночи,
Лютая свекровушка сердитая была,
Водой залила, не высушила.
Подружки, голубушки, ложитесь спать,
Ложитесь спать, вам некого ждать,
А мне, молодешеньке, целу ночь не спать,
Целу ночку не спать – всё милóго ждать,
Первый сон заснула – мила дружка нет,
Второй сон заснула – день бела заря.
Выгляну в окошко миленький идет,
На ногах сапожки поскрипывают,
Енотова шубонька пошумливает,
Перчаточки новехоньки пощелкивают (П.Н. Леденёва, 84 года,
д. Хотилово Бологовского р-на, 25.07.1995. Ср.: П.Н. Леденёва,
25.06.1997. Варианты: 6 – Лютая свекровушка сердита была;
15 – На ножках сапожки поскрипывают).

22. Лучина, лучинушка березовая!
Что ж ты, лучина, неясно горишь,
Неясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, во печи не была?
– Я была в печи вчерашней ночи.
Лютая свекровушка сердита была,
Водой залила, не высушила.
Подружки, голубушки, ложитесь спать,
Ложитесь спать, вам некого ждать,
Целую ночку не спать – всё милóго ждать.
Первый сон заснула – лишь дружка нет,
Второй сон заснула – день бела заря.
Выгляну в окошко миленькой идет.
На ножках сапожки поскрипывают,
Енотова шубонька пошумливает,
Перчаточки новёхоньки пощелкивают (Л.И. Семенова, 74
года, д. Хотилово Бологовского р-на, 27.07.2000).

Эта версия песни, как видим, дожила до нашего времени практически без утрат. Единственное изменение коснулось описания наряда милого друга: в двух вариантах (оба, следует заметить, записаны в одном и том же месте) вместо соболиной на нем оказывается енотовая шуба, что гораздо ближе к действительности и понятнее. Кроме того, в пару к сафьянным (козловым) сапогам, которые поскрипывали, добавляются перчаточки, которые пощелкивают. Следует признать, что обе эти детали представляются в высшей степени странными. Скрипучие сапоги (сафьян – это тонкая и мягкая кожа, и сшитые из нее сапоги скрипеть не должны) и самощелкающие перчатки едва ли могут доставить удобство своему владельцу, а в ситуации тайного свидания – тем более. Но эти детали никак не влияют на строение сюжета.

Короткая версия песни представлена семью вариантами:

23. Лучина моя, лучинушка бере... березовая,
 Что же ты, моя лучинушка, неясно горишь?
 Неясно ли горишь, горишь, не вспых... не вспыхиваешь?
 Или ты, моя лучинушка, в печи давно не была?
 Или ты, моя лучинушка, в печи давно не была?
 – Я была в печи, в печи вчерашней ночи.
 Лютая твоя свекровушка, в печку она лазила,
 Меня, горькую лучинушку, водой она залила
(Л.М. Лаврина, 65 лет, д. Вёски Лихославльского р-на, 2003).

24. Лучина моя, лучинушка березовая!
 Что же ты, моя лучинушка, не жарко ты горишь?
 Или ты, моя лучинушка, в печи не была?
 – Я была в печи, в печи вчерашней ночи;
 Лютая моя свекровушка в печку лазила,
 В печку она лазила, лазила, воду ставила,
 Воду она ставила, ставила, да чугуна воды разлила,
 Всю меня, лучинушку, всю залила
(А.Л. Малова, 96 лет, д. Сухая Нива Осташковского р-на, 3.07.1994).

25. Ты лучина моя, лучинушка, неясно горишь,
 Неясно горишь, не вспыхиваешь.
 Иль ты, лучинушка, в печи не была?
 – Была я в печи вчерашней ночи.
 Лютая моя свекровушка в печку лазила,
 Она лазила, чугуна с водой пролила,
 И меня, и меня, лучинушку, водой залила
(А.Ф. Голубева, 73 года, д. Рыкулино Молоковского р-на, 29.08.1995).

26. Лучина, моя лучина ты березовая!
Ох, и ты березовая...
Что же ты, моя лучинушка, неясно горишь?
Неясно горишь, ох...
Неясно горишь, горишь, да не вспыхиваешь?
Ох, да не вспыхиваешь...
Или ты, моя лучинушка, в печи да не была?
В печи да не была, ох...
– Я была да была в печи вчерашней ночи,
Вчерашней ночи...
Лютая свекровьюшка в печку лазила,
В печку лазила...
И меня она, лучинушку, ох, водой и залила,
Водой и залила...
Весь мой пыл, да весь мой жар водой и залила
(Г.С. Петровская, 67 лет, Удомля, 15.08.1993).

27. Лучина, лучинушка березовая!
Ах, что ж ты, лучинушка, неясно горишь?
Неясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была?
В печи не была, не высушена?
Аль тебя, лучинушка, свекровь подлила?
(О.Н. Калинина, 1911 г. р., с. Телятино Торжокского р-на, 1990)

28. Лучина, моя лучинушка,
Что же ты, моя лучинушка, не жарко ты горишь?
Или ты моя лучинушка, в печке не была?
– Я была в печи, в печи вчерашней ночи.
Лютая моя свекровушка в печку лазила,
В печку она лазила, воду ставила,
Воду она ставила да чугуна воды разлила,
Всю меня, лучинушку, всю разлила
(Р.И. Одинцова, 31 год, Тверь, 17.07.2001).

29. Лучина, моя лучинушка березовая!
Что же ты, моя лучинушка, не жарко ты горишь?
Или ты, моя лучинушка, в печи не была?
– Я была в печи, печи вчерашней ночи.
Лютая свекровушка в печку лазила,
В печку она лазила, лазила, воду ставила,
Да чугуна воды разлила;
Всю меня, лучинушку, всю залила (А.И. Комарова, 71 год,
пос. Красномайский Вышневолоцкого р-на, б/д.).

Как видим, современные записи короткой версии практически полностью совпадают с записями XIX в.: текст этой версии не претерпел никаких изменений. Варианты записаны от исполнительниц разных лет рождения, но, варьируя словесно, они полностью сохраняют то же сюжетное построение, какое мы видели и в предыдущее время.

Новизна современной ситуации проявляется в ином. Рядом с этими двумя появляется еще одна версия, которая была неизвестна в XIX в.: самая ранняя запись этой версии была сделана Е.Э. Линевой и опубликована в 1909 г. (9). Эта версия представлена тремя записями, героиня которых сообщает подружкам, что ей всю ночь не спать: без указания причины (30), «мужа ждать» (31), «пьяного мужа ждать» (32): пьяный муж оказывается, видимо, самой большой проблемой семейной жизни на рубеже XX–XXI вв. Совершенно очевидно, что эту новую версию песни следует считать полной, поскольку в ней исчерпывающе мотивировано дальнейшее поведение героини. Однако сюжет этой версии отличается от той полной версии, которую знал XIX в., поэтому мы для удобства дифференциации этих версий назовем ее средней:

30. Лучина моя, лучинушка бере... березовая,
 Что же ты, лучинушка, неясно горишь?
 Неясно ли ты горишь, горишь, не вспых... вспыхиваешь?
 Или ты, моя лучинушка, в печи давно не была?
 Или ты, моя лучинушка, в печи давно не была?
 «Я была в печи, в печи вчерашней ночи.
 Лютая твоя свекровушка, в печку она лазила,
 Меня, горькую лучинушку, водой она залила».
 Подружки мои, голубушки, ложитесь и вы спать,
 Ложитесь и вы спать, вы спать, вам некого ждать.
 Ложитесь и вы спать, вы спать, вам не... вам некого ждать.
 А мне, а мне, молодешеньке, всю ночь не спать
 (Н.И. Корсарова, 1946 г. р., Старица, б/д.).

31. Ты, моя лучинушка, неярко горишь,
 Неярко горишь и не вспыхиваешь.
 Или ты, лучинушка, в печи не была?
 – Я в печи была вечерней ночей.
 Лютая моя свекровушка в печку лазила,
 В печку лазила, котел с водой пролила,
 Лучинушку залила.
 Милые подруженьки, ложитесь спать,
 А мне, молодешеньке, всю ночь не спать,
 Всю ночь не спать, буду мужа ждать
 (Л.И. Гуляева, 1907 г. р., д. Высочки Тверской обл., б/д.).

32. Лучина, лучинушка березовая моя,
 Что же ты, лучинушка, неясно горишь, не вспыхиваешь?
 Или ты, лучинушка, в печке не была?
 В печке не была, не высушена?
 Лютая моя свекровушка в печку лазила – лучину облила.
 Кумушки-подруженьки, ложитесь вы спать,
 Некого вам ждать.
 Мне же, молодешеньке, всю ночьку не спать,
 Пьяного мужа ждать (Е.П. Соколова, 73 года,
 д. Байково Калининского р-на, 10.09.2000).

Как видим, в конце XX – начале XXI в. полная и короткая версии песни существуют практически на равных: короткая версия уравнилась по частотности с полной. Но появилась еще и средняя версия песни, которая стала завоевывать все большие права гражданства. Однако главное, несомненно, в другом. Все эти песни: и полная, и короткая, и средняя версии (с ожиданием мужа) – записаны от женщин. Современная народная культура при всех своих изменениях сохраняет ту гендерную дифференциацию, которая была свойственна традиционной культуре, и в народе мужчины «Лучинушку» не поют.

3

На этом фоне исключительно большой интерес вызывают те интерпретации «Лучинушки», которые были сделаны профессиональными писателями, музыкантами и певцами, исполнителями и потому уже не принадлежащие традиционной культуре. Еще до 1833 г. (до публикации сборника русских народных песен, в составе которого была «Лучина») Д.Н. Кашин опубликовал свою музыкальную и словесную обработку песни³, в которой совершенно неожиданно переключил протяжную песню в плясовой регистр при полном сохранении усеченного сюжета:

33. Лучина, лучинушка березовая,
 Что же ты, лучинушка, неясно горишь?
 Что же ты, лучинушка, неясно горишь,
 Неясно горишь, не вспыхиваешь?
 Подружки, голубушки, ложитесь спать:
 Ложитесь спать, вам некого ждать.
 А мне, младешеньке, всю ночьку не спать,
 Всю ночьку не спать, мила друга ждать.

³ Лучина, лучинушка березовая. Обработка Д.Н. Кашина. Ноты. Режим доступа: [http://www.notarhiv.ru/ruspesni/noti/1%20\(159\).pdf](http://www.notarhiv.ru/ruspesni/noti/1%20(159).pdf).

Вдоль по улице молодец идет,
Вдоль по широкой удаленькой.
Ай жги, ай жги, говори,
Вдоль по широкой удаленькой.

Как на молодце смурной кафтан,
Опоясочка шелковая.
Ай жги, ай жги, говори,
Опоясочка шелковая.

Опоясочка шелковая,
Рукавички барановые.
Ай жги, ай жги, говори,
Рукавички барановые.

На нем шапочка бархатная
И околушек черного соболя.
Ай жги, ай жги, говори,
Околушек черного соболя.

Пора молодцу красавицу любить,
Пора девице удалого любить.
Ай жги, ай жги, говори,
Пора девице удалого любить. А!
Ай жги, ай жги, говори. А!
Говори. А! [Kashin 1829]; то же:
[Русская народная песня]. Эти издания зафиксированы
в статье [Брежнева 2003: 98]. Публикацию этой версии
см.: [Лучина 1929].

Кашин сознательно контаминирует протяжную «Лучинушку» с другой песней, которая имеет плясовой характер, поскольку на музыкальном контрасте двух этих начал и строит свою маленькую кантату. И, видимо, в угоду этой контаминации Кашин отказывается от объяснения, почему лучина горит неясно, и только констатирует данный факт. Протяжная семейно-бытовая песня о тяжелой жизни молодухи в семье мужа легким движением руки превращается в частую плясовую песню о свободной любви девушки к молодому парню. Надо признать, что эта интерпретация «Лучинушки» Кашиным, в отличие от его же более традиционной версии, уникальна и практически не исполняется⁴.

⁴ Единственное известное нам современное исполнение этого варианта представил Хоровой театр Бориса Певзнера на концерте «То ли сказка, то ли быль»: <https://www.youtube.com/watch?v=0WEdrxPDVsc>

Как видим, Кашин был первым музыкантом, опубликовавшим обработку песни: дата цензурного разрешения – 1829 г. Однако в начале XIX в. «Лучинушка» стала исключительно популярной в концертном исполнении. Вариации на ее тему играл Г.А. Рачинский, публикация нот которого в разных справочниках датируется то 1831 г., то 1838 г., хотя, возможно, это разные издания [Рачинский 1831]. Это издание зафиксировано в справочниках: [Горелов, Иванова 1996: 130, № 1634; Бацер, Рабинович 1984: 5, № 1203]. То же издание с датой 1838 г. зафиксировано в справочнике: [Карминская 1988, № 1625]. О Рачинском см.: [Вершов 1978, стлб. 557], сайт «Гитаристы и Композиторы»⁵. В данных справочниках не учтено издание [О музыкальном утре Гавриила Рачинского 1828]. Кроме того, 1830-ми гг. датируется еще одна публикация музыкальной вариация песни, принадлежащая, как можно судить, И. Гуммелю (I. Hummel) [Différentes pieces pour le Piano-forte 183-]. Это издание зафиксировано в справочниках: [Горелов, Иванова 1996: 129, № 1627; Бацер, Рабинович 1984: 4, № 1194].

Мы помним, что еще А. Васнецов опубликовал вариант полной версии «Лучинушки», которую характеризовал как «плясовую» (4). Мы помним также, что в XIX в. существовали и другие плясовые, хороводные и даже свадебные варианты песни (10, 11, 12). Но Кашин, повторим, создал ораторию, построенную на контрасте настроений: грустного в первой части и веселого, зажигательного во второй части композиции. Это были уже не «вариации на тему», а применение песни к оригинальному заданию. Более поздние композиторы, обрабатывавшие песню, таких вольностей себе не позволяли.

Впрочем, таким же образом можно интерпретировать русскую народную картинку «Лучина, лучинушка березовая...», литографию 1856 г. (рис. 1).

На картинке изображены прядущие молодые женщины: трое из них сидят в девичьих головных повязках, а одна стоит перед ними в кокошнике и отсылает их, видимо, спать. Картинка имеет вид «оперной» сцены⁶. Однако картинка – молчаливый жанр, и за отсутствием текста под ней мы можем только догадываться о развитии ее сюжета.

Другая лубочная картинка «Гори, гори, лучинушка» (гравюра на меди, Москва, 1850; РНБ) представлена в томе «Лите-

⁵ <http://www.abc-guitars.com/pages/rachinsky.htm>

⁶ Русские народные картинки (1960) 16 открытых писем. Калинин: Полиграфкомбинат. Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/reader/144474/>

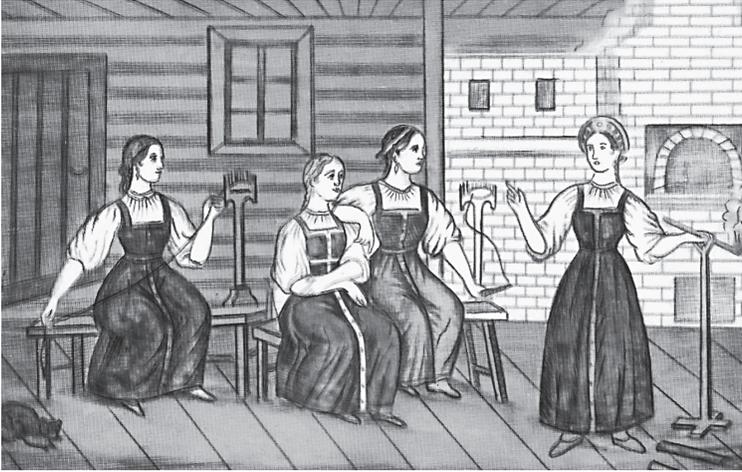

Рис. 1. «Лучина, лучинушка березовая...» Литография. 1856

ратурного наследства» «Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского» в качестве иллюстрации к «Лучинушке» в записи К.Д. Кавелина (рис. 2) [Благой и др. 1968: 561].

Изображение на картинке соответствует сюжету «Лучинушки»: молодая женщина сидит и прядет, а в проеме двери видна фигура молодого мужчины. Однако это сходство является результатом очевидного недоразумения, так как в состав картинки входит и фрагмент из стихотворения Ф.Н. Слепушкина «Поселянка за прялкою (сельская русская песня)» (1828), напечатанный по нижней полосе листа:

Гори, гори, лучинушка,
Гори посветлей!
Прядись, мой чистый лен,
Прядись поскорей.
Спешь, мое кленовое,
Спешь, веретёнце.
Пора мне ткать для милого
В дары полотенце [Гусев 1988: 385–386].

Для нас стихотворение Слепушкина имеет очень большое значение. В нем впервые в литературе (еще до публикации фольклорного текста) используется образ горящей лучинушки, восходящий к народной песне.

Рис. 2. «Гори, гори, лучинушка». Гравюра на меди. Москва. 1850

В том же 1833 г., когда была опубликована обработка Д.Н. Кашина, А.С. Пушкин написал стихотворение, которое не завершил и не опубликовал, и в нем он упомянул песню «Лучинушка». Это стихотворение приводится обычно в доказательство достоинств Пушкина как интерпретатора фольклорного текста. Однако следует внимательно прочитать его, чтобы адекватно понять, как Пушкин воспринимал этот фольклорный текст:

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки,
Звуки песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальний вой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?» [Пушкин 1948: 307]

В специальной статье, целью которой является «тема слуховой чуткости, высокой музыкальности А.С. Пушкина», это стихотворение названо «подлинным шедевром», «гимном русской крестьянской протяжной песне – феномену мировой культуры!» [Богданов, Меньших 2009]. Можно смеяться над риторикой и пафосом статьи «Поющий леший», но когда речь заходит об отношении Пушкина к народным песням, этот риторический пафос проникает и в серьезные исследования: «Своим тонким чутьем, своим глубоким проникновением в народное творчество Пушкин воспринял народные песни так, как их понимал сам народ» [Бугославский 1941: 200].

Между тем это стихотворение не обнаруживает никакой «слуховой чуткости» Пушкина. Пушкин предлагает ямщику петь «Лучинушку», которая является и по условиям бытования (семейно-бытовая), и по содержанию (упоминание свекрови) сугубо женской песней. Если даже сейчас мы не встретим мужчину, в репертуаре которого есть жестокий романс «Уродилась я, как в поле былинка», то тем более четкая гендерная дифференциация песенного репертуара существовала в пушкинское время.

Мы вовсе не хотим поколебать кумир Пушкина. Но представление о том, что гений стоит в просвещении наравне не со своим, а с нашим веком, нарушает принцип историзма. Пушкин записывал и понимал фольклорные тексты так, как было принято в его время, и в этом нет ничего необычного. Мы, наверное, никогда не узнаем, кто виноват в том, что «Лучинушка» в пушкинской записи соединена с фрагментом другой песни, но не стоит винить кого-либо, чтобы оправдать «наше всё». Но уж нет никакого сомнения в том, что никто, кроме Пушкина, не виноват в том, что «Лучинушку» в его стихотворении поет не женщина, а мужчина. Это не соответствует этнографическим фактам, но зато вполне отвечает пушкинской концепции национального характера: «От ямщика до первого поэта / Мы все поем уныло». Кстати говоря, в пушкинское время песню пели только женщины: Генриетта Зонтаг и Софья Шоберлехнер [Kachin 1829], Анна Бишоп [Музыкальное утро г-жи Бишоп 1841: 29. Цит. по: Лашенко 2014: 19]. Любопытно, что имена русских исполнительниц нам неизвестны.

Следует напомнить, что стихотворение Пушкина было опубликовано только в 1884 г., и по этой причине оно не могло оказать никакого влияния на общественное восприятие данной песни. Однако основная линия интерпретации «Лучинушки» общественным сознанием продолжала пушкинское стихотворение. Пушкин был не одинок, вкладывая песню «Лучинушка» в уста мужчины. В ряду «разбойничьих», бурлацких, сугубо мужских песен упоминает ее и И.С. Аксаков в поэме «Бродяга» (1848):

Он пел про тоску, про злодейку-кручину,
 Про молодцев добрых, лучину-лучину,
 Про белые снега, про темную ночь,
 Про девицу-душу, отецкую дочь,
 Он пел про село, про знакомое горе,
 Про дальнюю степь, незнакомое море,
 Про Волгу-раздолье, бурлацкий привал...
 [Аксаков 1986: 74]

И точно так же, как Пушкин, как ямщицкую песню описывает «Лучинушку» Н.А. Добролюбов в стихотворении «Дорожная песня» (1857, опубликовано 1862). Может даже создаться впечатление, что Добролюбов знал неопубликованное стихотворение Пушкина, хотя это совершенно неверно:

Мчитесь, кони, ночью влажной,
 Пой «Лучину», мой ямщик:
 Этой жалобы протяжной
 Так понятен мне язык!..

Ты и я, все наши братья,
 Наши лучшие друзья,
 Все узнали без изъятья
 То, что так крушит тебя.

Пой, ямщик, твоя кручина
 И во мне волнует кровь:
 Ведь и мне мою лучину
 Облила водой свекровь.

А то как было в избушке
 Хорошо она зажглась!..
 Бог простит моей старушке:
 Тьма по сердцу ей пришлась.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
 Пой «Лучину», мой ямщик:
 Этой жалобы протяжной
 Так понятен мне язык!..
 [Добролюбов 1964: 59–60]

Добролюбов пишет стихотворение от лица мужчины: «Ты и я, все наши братья». Но он вставляет в стихотворение слова, которые могла сказать только женщина: «Ведь и мне мою лучину / Облила

водой свекровь». Ясно, что это метафора темной, беспросветной жизни народа: «Тьма по сердцу ей пришлась». Но в результате такого метафорического применения создается впечатление, что ямщики никаких других песен и не пели, только женские протяжные песни о лучине. «Лучинушка» становится брендом русской культурной жизни, русской «тоски» и «жалобы».

Полагая, что эти «тоска» и «жалоба» выражают позицию самого народа, народники решили использовать эту песню в целях своей политической пропаганды, и С.С. Синегуб написал на основе «Лучинушки» агитационную песню «Свободушка» (1873), которую необоснованно приписывали Д.А. Клеменцу.

Кажется, завершением этой линии было стихотворение М.И. Цветаевой «Лучина» (1931), в тексте которого ключевое слово, вынесенное в заглавие, замещается словом *Россия*, предметом цветаевской тоски, плача и жалобы:

До Эйфелевой – рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас – такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется <ваш> Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»
[Цветаева 1988: 272]

Совершенно иное, исторически конкретное толкование «Лучинушки» как семейно-бытовой песни дал почвенник А.А. Григорьев, полемизируя в поэме «Олимпий Радин» (1845) со славянофилами:

Русский быт,
Увы! совсем не так глядит, –
Хоть о семейности его
Славянофилы нам твердят
Уже давно, но виноват,
Я в нем не вижу ничего
Семейного... О старине
Рассказов много знаю я,
И память верная моя
Тьму песен сохранила мне,
Однообразных и простых,
Но страшно грустных... Слышен в них

То голос воли удалой,
 Всё злою долею женой,
 Всё подколодную змеей
 Опутанный, то плач о том,
 Что тускло зимним вечерком
 Горит лучина, – хоть не спать
 Бедняжке ночь, и друга ждать,
 И тешить старую любовь,
 Что ту лучину залила
 Лихая, старая свекровь...
 О, верьте мне: невесела
 Картина – русская семья...
 Семья для нас всегда была
 Лихая мачеха, не мать...
 [Григорьев 2001: 179–180]

Григорьев очень точно перечисляет сюжетные мотивы, которые и помогают нам адекватно идентифицировать песню. И очень точно называет «Лучинушку» песней, диагностирующей современное состояние русской крестьянской семьи: «Семья для нас всегда была / Лихая мачеха, не мать». И все другие интерпретации «Лучинушки», острые и яркие, оказываются на этом фоне политически ангажированными и потому совершенно не адекватными.

С другой стороны, не так, как Григорьев, но столь же исторически конкретно подошел к оценке «Лучинушки» Н.А. Некрасов, который в сатире «Балет» (1865 – начало 1866) писал о спекуляции современного искусства на теме народа и русском фольклоре:

Но явилась в рубахе крестьянской
 Петипа – и театр застонал!
 Вообще мы наклонны к искусству,
 Мы его поощряем, но там,
 Где есть пища народному чувству,
 Торжество настоящее нам;
 Неужели молчать славянину,
 Неужели жалеть кулака,
 Как Бернарди затынет «Лучину»,
 Как пойдет Петипа трепака?..
 Нет! где дело идет о народе,
 Там я первый увлечся готов.
 Жаль одно: в нашей скудной природе
 На венки не хватает цветов!
 [Некрасов 1981: 238]

Речь идет о танце «Мужичок», который исполняла Мария Суровщикова (в браке Петипа) в разных спектаклях и программах, и о песне «Лучинушка», которую пела певица итальянской оперной труппы в Петербурге Рита Бернарди. Вообще следует подчеркнуть, что русская артистка балета, солистка Императорских театров Мария Суровщикова выступала на сцене под своей девичьей фамилией, но Некрасов сознательно называет ее по фамилии мужа – Мариуса Петипа, что в одном ряду с Бернарди подчеркивает «нерусскость» обеих исполнительниц и, как следствие, фальшивость интонаций.

И то же самое критическое отношение к спекуляциям на «Лучинушке» мы видим и в пьесе А.Н. Островского «Доходное место» (1857), где в конце 3-го действия изображается сцена в трактире. Трактирный слуга «Василий, по приказанию из другой залы, заводит машину. Машина играет “Лучинушку”». И Жадов, которого хорошо подпоили его собутыльники, поет под фонограф: «Лучина, лучинушка, березовая!..» Слуга Василий останавливает его: «Пожалуйте-с! Нехорошо-с! Безобразно-с!» [Островский 1974: 82]. Жадов, разумеется, не «народ», а дворянин, и он поет женскую крестьянскую песню, ибо так, полагает он, делает и сам народ (ямщики ее поют у Пушкина, разбойники – у Майкова). Жадов, как и ямщики, хочет поделиться своим несчастьем с окружающими людьми. Но делает он это в пьяном состоянии. И тогда сам народ (в лице трактирного слуги) оценивает такое исполнение-понимание песни сурово и строго: «Нехорошо-с! Безобразно-с!» Жадов присоединяется к народной «тоске» и «жалобе», как понимают ее интеллигентские круги, а слуга Василий (по-своему справедливо) видит в этом только позу, господское пьяное безобразие. Но судя по этому эпизоду, «Лучинушка» была так популярна в качестве репрезентативной русской народной песни, что интеллигентские круги начали и свою жизнь мерить по этой песне. Как и Некрасов, Островский видел в этом лишь лицемерие интеллигентских кругов. О популярности песни в высших кругах русского общества см. [Литвин, Ременец 2015]. Однако у А.П. Чехова в «Ионыче» (1898) во время чтения Верой Иосифовной своего романа «в городском саду по соседству играл оркестр и пел хор песенников. Когда Вера Иосифовна закрыла свою тетрадь, то минут пять молчали и слушали „Лучинушку“, которую пел хор, и эта песня передавала то, чего не было в романе и что бывает в жизни» [Чехов 1977: 26] – песню поет хор, очевидно, мужской и явно не народный.

Мы уже видели, что в XIX в. «Лучину» поют женщины – немки и итальянки, – теперь к их числу мы можем присоединить Риту Бернарди. Но с начала XX в. основными исполнителями песни

становятся мужчины: Федор Шаляпин⁷, Сергей Лемешев⁸, Алексей Покровский⁹, Антон Григорьев¹⁰, Владимир Маркин¹¹, Иван Ожогин¹², русский народный хор под управлением И.И. Миронова¹³, ансамбль «Русичи»¹⁴, рок-группа «Аверс»¹⁵. Женщины, конечно, также исполняют эту песню: Рузанна и Карина Лисициан¹⁶, Ольга Семенова¹⁷, Валерия Зеленская¹⁸, Татьяна Фильчакова¹⁹, Елена Безгодкова²⁰, Л. Бородина²¹, Лиза Васильева²², Наталья Дмитриевская²³, «вокальный квартет»²⁴, «хор русской песни»²⁵, концерт, посвященный 90-летию ДМШ им. Игумнова²⁶. Наиболее полный свод песен с названием «Лучинушка» см. на сайте «Музлишко»²⁷. К сожалению, здесь не разграничиваются четыре песни: наша «Лучинушка», «То не ветер ветку клонит», «Ночь темна-темнехонька» и «Горит в избе лучинушка», и всю работу по уточнению песни приходится самостоятельно делать каждому, кто знакомится с данными ресурсами. Именно поэтому мы при возможности ссылались на другие источники.

Хотя исполнителей-мужчин, как видим, не больше, но они все же есть, в то время как, согласно народной эстетике, их просто не должно быть. Шаляпин, как известно, утверждал, что слышал песню из уст народа, и он знал, что это бабья песня, и тем не менее

⁷ <https://www.youtube.com/watch?v=VyY4KHh8DA8>

⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=Kmi0nGUuvzE>

⁹ <http://kkre-39.narod.ru/pokrovski/lch.mp3>

¹⁰ https://mixmuz.ru/mp3/антон_григорьев

¹¹ <https://www.youtube.com/watch?v=UnVAhbjkGpA>

¹² <https://www.youtube.com/watch?v=UKpQmOvohZI>

¹³ http://www.russian-records.com/details.php?image_id=2314

¹⁴ <https://www.youtube.com/watch?v=wJj79tasmLQ>

¹⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=5rRltwfRtJQ>

¹⁶ <https://ur-l.ru/Fmv>

¹⁷ <https://www.youtube.com/watch?v=ma1PQLKV8Zg>

¹⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=5gQsvFgVeil>

¹⁹ <https://www.youtube.com/watch?v=jmCZ-y2iKpg>

²⁰ <https://www.youtube.com/watch?v=VhjGZrYhpu4>

²¹ <https://www.youtube.com/watch?v=5v2QS7tWtXk>

²² https://vk.com/videos8254593?z=video8254593_165467323%2Fpl_8254593_-2

²³ <https://mixmuz.ru/mp3/дмитриевская/2>

²⁴ <https://ur-l.ru/Qbm>

²⁵ https://mp3ix.net/song/98461505/Hor_russkoj_pesni_Luchina_moya_luchinushka/

²⁶ <https://www.youtube.com/watch?v=l0MV9rllFNE>

²⁷ <http://muzlishko.ru/mp3/>

пел ее. Более чем очевидно, что в народном исполнении слышал песню и Лемешев²⁸, однако он последнюю строку поет совершенно иным образом, нежели народ: «Али ты, моя березова, слезьми облита» – и никакой свекрови! Этот вариант восходит, вероятно, к Шаляпину, который завершал песню следующими словами: «Али ты, моя лучинушка, слезьми облита, / Али тебя свекровь лютая водой облила». Вариант Лемешева повторяет и некий детский хор²⁹, хотя для смешанного детского хора это, может быть, самый приемлемый вариант. Получается, что актуализация «Лучинушки» в исполнении мужчин (и детей) идет по тому пути, который был намечен Пушкиным. Исполнители-мужчины, которые осознают, что песня принадлежит женскому репертуару, тщательно редуцируют элементы «женскости» в ее тексте. Поэтому они исполняют короткую версию песни, разумеется, без упоминания свекрови. Впрочем, короткую версию «Лучины» поют и женщины. Если в народном репертуаре, как мы уже видели, короткая и полная версии практически в одинаковой частотности доживают до рубежа XX–XXI вв., то на эстраде уже в середине XX в. преобладает короткая версия «Лучинушки». То же самое следует сказать и о музыкальных переложениях «Лучинушки», сделанных в XX в.: две известных из них (обработки В.Б. Попонова и Е.М. Шендеровича) рассчитаны именно на короткую версию текста³⁰.

На такое восприятие «Лучинушки» повлиял, по всей вероятности, жестокий романс «То не ветер ветку клонит», в котором короткая жизнь человека уподобляется краткому времени горения лучины. Песня приобретает такой символический смысл, который она никогда не могла бы иметь в рамках традиционной культуры. Жизнь как горение – эта метафора просто исключает всякую бытовую обстановку, поэтому даже женщины, поющие эту песню в настоящее время, легко обходятся без всякой свекрови. Совершенно закономерно поэтому В. Маркин исполнил эту песню, в частности, в день памяти своего друга А. Варина³¹. И в этом плане весьма знаменательно также то, что вместо упоминания свекрови тот же В. Маркин и И. Ожогин повторяют в конце песни начальные строки, в результате чего создается кольцевая композиция, которая совершенно не свойственна поэтике народной песни. Как представляется, такая кольцевая композиция песни в эстрадном авторском творчестве могла повлиять и на народное исполнение краткого варианта «Лучинушки», о чем свидетельствует исполне-

²⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=Kmi0nGUuvzE>

²⁹ <https://www.youtube.com/watch?v=4WZPBOzBLNY>

³⁰ <http://www.notarhiv.ru/vokal.html>

³¹ <https://www.youtube.com/watch?v=UnVAhbjkGpA>

ние песни народным ансамблем «Славяночка» под руководством С.Н. Лебедевой (Тверской государственной университет), перенятым из репертуара народной исполнительницы М.Е. Симоновой (с. Грузины Торжокского р-на Тверской обл.) [Фольклорный ансамбль «Славяночка» 2012]. Наконец, следует отметить, что очень многие исполнители в угоду классической каденции в слове *берёзовая* переставляют ударение на третий слог и поют фактически (а иногда и вполне определенно) *бирюзовая*. В результате лучина именно из березового полена из песни исчезает, а бирюзовая лучина оказывается символом какой-то немислимой красоты и бессмыслицы одновременно.

Таким образом, народная песня изначально женского репертуара в результате усилий по актуализации народного творчества вне собственно традиционной культуры превратилась в песню unisex (и женского, и мужского репертуара), а из семейно-бытовой песни она стала философской песней-притчей о краткости или безысходности жизни человека. Многие эстрадные исполнения «Лучинушки», безусловно, интересны, но они отвечают совершенно иным эстетическим принципам, отличным от эстетики народной художественной культуры.

Однако свято место пусто не бывает. И на опустелое место песни о лучине и тяжелой доле женщины-крестьянки приходят новые собственно женские песни. В основу первой такой песни было положено стихотворение «Лучинушка» Н.А. Панова (1895):

Ночь темна-темнешенька,
 В доме тишина;
 Я сижу, младешенька,
 С вечера одна.
 Словно мать желанная
 По сынке родном,
 Плачет неустанная
 Буря под окном.
 До земли рябинушка
 Гнется и шумит...
 Лучина-лучинушка
 Неясно горит.

Затянуть бы звонкую
 Песенку живей,
 Благо пряжу тонкую
 Прясть мне веселей.
 Да боюсь батюшку
 Свекра разбудить

И свекровь-то матушку
Этим огорчить.
Муженек-детинушка
Беззаботно спит...
Лучина-лучинушка
Неясно горит.

Хорошо девицею
Было распевать,
Горько молодежию
Слезы проливать.
Отдали несчастную
В добрую семью,
Загубили красную
Молодость мою.
Мне лиха судьбинушка
Счастья не сулит...
Лучина-лучинушка
Неясно горит.

Я ли не примерная
На селе жена?
Как собака верная,
Мужу предана.
Я ли не охотница
Жить с людьми в ладу?
Я ли не работница
В летнюю страду?
От работы спинушка
И теперь болит...
Лучина-лучинушка
Неясно горит.

Милые родители,
Свахи и родня!
Лучше бы мучители
Извели меня:
Я тогда не стала бы
Сетовать на вас...
Сладко ли вам жалобы
Слышать каждый раз?
Ах! Тоска-кручинушка
Сердце тяготит...
Лучина-лучинушка

Неясно горит [Гусев 1988: 234–236].

Песню эту исполняли и исполняют: Надежда Плевицкая³², Людмила Зыкина³³, Татьяна Петрова³⁴, Екатерина Шаврина³⁵, Валентина Захарова³⁶, Екатерина Пермякова³⁷, Дарья Рубцова³⁸, Эмилия Савельева³⁹, Наталия Тараканова⁴⁰, Алёна Петровская, ансамбль «Царица», Антонина Сметанкина, Инна Лайф, Надежда Крыгина, ансамбль «Русские», Валерия Головкина (последние семь исполнителей см. на сайте «Музлишко»).

В народном исполнении эта песня также встречается, но достаточно редко. В наших материалах есть одна запись:

Ночь темна-темнешенька,
В доме тишина.
Я сижу, младешенька,
С вечера до дня.

Плачет мать желанная
По сынке родном.
Воет безустанная
Буря под окном.

До земли рябинушка
Гнется и шумит.
Лучина-лучинушка
Неясно горит.

Хорошо девицею
Было распевать,
Хорошо девицею
Слезы проливать
(Е.П. Разорёнова, 82 года, Клин, 1980-е).

³² <https://www.youtube.com/watch?v=jSOoDJLnt4E>

³³ <https://www.youtube.com/watch?v=5egWTP2EUUV0>

³⁴ https://www.youtube.com/watch?v=p0gZ4uAg_JQ; https://www.youtube.com/watch?v=XGkis_gVmt0

³⁵ <http://megalyrics.ru/lyric/iekatierina-shavrina/noch-tiemna-tiemnieshienka.htm>

³⁶ <https://www.youtube.com/watch?v=sOj2fE2jc-4>

³⁷ <https://www.youtube.com/watch?v=9cqGEEZCYiU>

³⁸ https://www.youtube.com/watch?v=CmiRur_CNMI

³⁹ <https://www.youtube.com/watch?v=uYoNv190Uk4>

⁴⁰ <https://www.youtube.com/watch?v=UNNIATryE0>

В народном исполнении сохраняется только первая строфа (первые три четверостишия) и измененное начало третьей строфы (четвертое четверостишие). Однако семейный конфликт обозначен со всей определенностью: «хорошо девицею было распевать», а в замужестве – все плохо.

Вторая песня появилась несколько позднее, и основной исполнительницей ее была популярная в первой половине XX в. в Советской России О.В. Ковалева. Приведем текст, опубликованный самой этой исполнительницей:

Горит в избе лучинушка
Блестит, трещит сосновая
Сидит, прядет хозяйюшка
Эх, ноченька суровая

Все на печь улеглись спать
Все детушки голодные –
В лохмотьях все валяются
Мать думает: «Несчастные».

Отец-то ваш, родимые,
Буян и мот – тошнехонько.
Эх, времячко тяжелое,
Пройди, пройди скорехонько.

Придет домой ругается,
Шумит: «Живей, ворочайся!»
Разуй, раздень – ломается.
И угождай, и кланяйся.

И долго ли так маяться
Придется в ночи темные?
И долго ли протянется
Крестьянки жизнь тяжелая?
Впервые: [Ковалева 1925: 25]; *расшифровка фонограммы О.В. Ковалевой* [Трухина 2015б: 218–219].

Авторство песни не установлено. Но если иметь в виду, что О.В. Ковалева является автором ряда песен [Трухина 2015а], есть все основания предполагать, что эту песню сочинила также она. Впрочем, это сейчас не столь важно. Важнее в этой песне то, что тяжелая жизнь крестьянки при старых социальных условиях связана в первую очередь с неустойчивостью семейных отношений (а мы уже видели, что в XX в. формируется новая версия

«Лучинушки», где «пьяный муж» становится ведущим мотивом песни). В настоящее время эту песню практически никто не исполняет. Единственное известное нам исключение – Олег Погудин⁴¹.

В народном репертуаре эта песня встречается тоже редко и имеет следующий вид:

Горит в избушке лучинушка,
Горит, трещит сосновая.
Сидит, прядет хозяйюшка
Сидит, прядет бедняжка.
А детушки голодные,
Вдоль по полу уложены.
А муж придет, ругается:
Разуй, раздень, да кланяйся.
А то смотри, ведь знаешь ты,
Как я пойду похаживать
Да кулаки показывать (Е.Я. Шаронина, 65 лет,
д. Керузино Кимрского р-на, 1985).

Песня в этом исполнении теряет строфическое строение, а словесное наполнение ее существенно отличается от эстрадного варианта, хотя эти отличия только подчеркивают его основную идею – тяжелая семейная жизнь женщины, зависимой от мужа.

Наши краткие наблюдения над историей народной песни, условно называемой «Лучинушка», показывают, что при актуализации культурного наследия народа практически невозможно сохранить народный взгляд на мир, и поэтому любая актуализация культурного наследия народа оказывается по сути кичевым ответом на запрос современности.

То, что мы наблюдаем в истории песни «Лучина, лучинушка березовая», можно распространить и на историю актуализации любых других явлений традиционной культуры. Это не значит, конечно, что мы призываем отказаться от усвоения и пропаганды народного наследия. Но мы не должны себя обманывать в формах этого усвоения и пропаганды. И мы должны отдавать себе отчет, что любое такое усвоение оказывается невольным искажением. Но как только мы поймем это, мы станем более критично относиться к своей собственной работе, и это должно положительно отразиться на результатах нашей актуализации.

История этой песни продолжается. Когда статья сдавалась в печать, нам стала известна еще одна обработка песни,

⁴¹ <https://www.youtube.com/watch?v=Ic42cO4Pfv0>

принадлежащая автору, работающему под псевдонимом Иван Иванович Табуреткин (род. 10.09.1946). Вот текст песни в его обработке:

– Лучина моя, лучинушка,
Бере... д' березовая,
Что же ты, моя лучинушка,
Неясно горишь?

Неясно ли ты горишь, горишь,
Не вспы... д' не вспыхиваешь...
Или ты, моя лучинушка,
Давно в печи не была?

Или ты, моя лучинушка,
Давно в печи не была,
Иль взяла тебя кручинушка,
Что постылая зола?

– Ах не печаль меня измучила,
Д' не зе... зелена тоска –
Извела меня излучина
Злого слова с языка.

Лютая твоя свекровушка
В печку... в печку лазила –
Меня, горькую лучинушку,
Водой... водой залила.

Не ложись, душа моя красавица,
Подле печи к ночи спать!
Где огонь воды касается,
там головушке хворать...

Ой не спи, душа моя детинушка,
Черным днем д' не сокрушай!
Меня, щепку-сиротинушку,
Света-доли не лишай⁴².

Все это стоило бы отдельного разговора.

⁴² http://music.lib.ru/t/taburetkin_i_i/alb1.shtml

Источники

- Аксаков И.С.* (1986) И слово правды... Стихи, пьеса, статьи, очерки. М. А. Чванов (сост.) Уфа: Башкирское книжное издательство.
- Благой Д.Д. и др.* (ред.) (1968) Литературное наследство. Т. 79: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. Москва: Наука.
- Варенцов В.Г.* (сост.) (1862) Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. Санкт-Петербург: тип. О.И. Бакста.
- Васнецов А.* (сост.) (1894) Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты. Записаны Александром Васнецовым в Вятской губернии. Москва: типо-лит. Д.А. Бонч-Бруевича.
- Вершов Б.И.* (1978) Г.А. Рачинский. Ю.В. Келдыш (ред.) Музыкальная энциклопедия. Т. 4: Окунев-Симович. Москва: Советская энциклопедия: 557.
- Григорьев А.* (ред.) (1894) 100 русских песен, записанных с народного напева и аранжированных для одного голоса с аккомпанементом фортепиано К. Вильбоа. Москва: Гутхейль.
- Григорьев А.* (2001) Стихотворения. Поэмы. Драммы. Б.Ф. Егоров (сост.) Санкт-Петербург: Академический проект.
- Гусев В.Е.* (сост.) (1988) Песни русских поэтов: В 2 т. Т. 1. Ленинград: Советский писатель.
- Добролюбов Н.А.* (1964) Собрание сочинений. В 9 т. Т. 8: Стихотворения, проза, дневники. В. В. Жданов (ред.) Москва, Ленинград: Художественная литература.
- Кашин Д.Н.* (сост.) (1833) Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Даниилом Кашиным. Кн. 1: Песни протяжные. Москва: тип. С. Селивановского.
- Ковалева О.В.* (сост.) (1925) Для деревни. Сборник песен и частушек. Москва: Муз. сектор Госиздата.
- Корш Ф.Е.* (ред.) (1909) Великорусские песни в народной гармонизации. Записаны Е. Линевой. Вып. II: Песни Новгородские. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.
- Лучина (1848), лучинушка березовая. Русская народная песня. Аранжировка для одного голоса с фортепьяно. Переложена на два голоса и фп. Кашиным. Ноты. Санкт-Петербург: Ф. Стелловский.
- Лучина (1927), лучинушка: Народная песня с вариациями. Для голоса с ф.-п. Ноты. Москва: Гос. изд-во.
- Лучина (1929), лучинушка. Русская песня в переложении для двух голосов с сопровождением хора и ф.-п. Ноты. Москва: Гос. изд-во.
- М. М.* (1837) Народные русские песни, собранные М.М. Москва: Тип. И. Смирнова.
- Миллер В. Ф., Сперанский М.Н.* (ред.) (1911) Песни, собранные П.В. Киреевским. Изд. Обществом любителей рос. словесности

- при Имп. Моск. Ун-те. Вып. I: Песни обрядовые. Москва: Печатня А.И. Снегиревой.
- Музыкальное утро г-жи Бишоп (1841), при содействии г. Бохсы, 12-го января, в воскресенье, в два часа по полудни, в зале г-жи Энгельгардт. Северная пчела. Смесь. 11 янв. № 8. С. 29.
- Некрасов Н.А.* (1981) Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Т. 2: Стихотворения 1855–1866 гг. Ф.Я. Прийма (ред.) Ленинград: Наука.
- О музыкальном утре Гавриила Рачинского (1828), в Филармонической зале двадцатого мая тысяча восемьсот двадцать восьмого года. Санкт-Петербург: тип. Отд. корпуса внутренней стражи.
- Островский А.Н.* (1974) Полное собрание сочинений. В 12 т. Т. 2: Пьесы (1856–1866). Г.И. Владыкина (ред.) Москва: Искусство.
- Подарок любителям пения (1876): Собрание песен народных, малороссийских, цыганских, святочных и свадебных; художественных; романсов; оперных и опереточных арий, водеvilльных куплетов; шансонеток; комических куплетов; сатирических и юмористических стихотворений. Составлено Обществом любителей пения и музыки. Москва: Тип. С. Орлова.
- Пушкин А.С.* (1948) Полное собрание сочинений. В 16 т. Т. 3: Стихотворения (1826–1836). Сказки. С.М. Бонди и др. (ред.) Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Пушкин А.С.* (1977) Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 3: Стихотворения (1827–1836). Б.В. Томашевский (сост.). Ленинград: Наука.
- Рачинский Г.А.* (1831) Лучина, лучинушка березовая: Русская песня с вариациями для скрипки и аккомпаниаментом <!> фортепиано, поднесенная сочинителем вариаций Гавриилом Рачинским. Ноты. Москва: Тип. Смирнова.
- Розанов И.Н.* (сост.) (1944) Русские песни XIX века. Москва: Гос. изд-во худож. лит.
- Русская народная песня (Б. г.) Лучина, лучинушка березовая. Переложенная на два голоса и фортепиано Кашиным. Аранжирована для одного голоса. Ноты. Санкт-Петербург: у К. Клевера, бывший И. Пеца.
- Русские песни (1879), непосредственно с голосов народа записанные и с объяснениями изданные Ю. Н. Мельгуновым. Вып. 1. Москва: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман.
- Соболевский А.И.* (ред.) (1896) Великорусские народные песни. Т. II. Санкт-Петербург: Тип. Имп. АН.
- Соболевский А.И.* (ред.) (1897) Великорусские народные песни. Т. III. Санкт-Петербург: Тип. Имп. АН.
- Сперанский М.Н.* (ред.) (1917) Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Изд. Обществом любителей рос. словесности при Моск. ун-те. Вып. II. Ч. I: Песни необрядовые. Москва: Печатня А.И. Снегиревой.
- Сперанский М.Н.* (ред.) (1929) Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Изд. Обществом любителей росс. словесности при I-м Моск.

- ун-те. Вып. II. Ч. 2: Песни необрядовые. Москва: Тип. Кооператива «Наука и Просвещение».
- Такун Ф.И. (сост.) (2005) Славянский базар. Русские, украинские и белорусские народные песни. Москва: Современная музыка.
- Фольклорный ансамбль «Славяночка» (2012). Ч. 1. Песни села Грузины Торжокского района Тверской области. CD-R. Тверь: Тверской государственный университет.
- Цветаева М. (1988) Сочинения: В 2 т. Т. 1. А. Саакянц (сост.) Москва: Художественная литература.
- Différentes pieces pour le Piano-forte (183-) № 4. St.-Petersbourg, gravé et impr. par D. Brieff. [183-] (Содерж.: Ах не одна. Вар. Карла Доманиевского. Лучина, лучинушка березовая variée par I. H. I. (Украинская)).
- Kachin (comp.) (1829) Air russe national: Pour 2 voix [et piano]. Chanté par mad-lle Henriette Sontag et madame Schoberlechner à St. Petersburg. 13 c. St. Petersburg: chez J. C. Paetz.

Литература

- Бацер, Рабинович 1984 – *Бацер Д.М., Рабинович Б.И.* Русская народная музыка: Нотографический указатель (1776–1973). Ч. 2. М.: Советский композитор, 1984.
- Богданов, Меньших 2009 – *Богданов И.А., Меньших Н.В.* «Поющий леший» (о слуховой чуткости А. С. Пушкина и роли живого звучания, фольклорной звучности в его творчестве) // Поющая душа России. 2009. Март. Режим доступа: <http://igarbogd.blogspot.ru/2009/03/blog-post.html> (дата обращения: 10.02.2019).
- Брежнева 2003 – *Брежнева И.В.* Отечественные издания первой половины XIX века в библиотеке Н.Ф. Финдейзена // Нотные издания в музыкальной жизни России. Российские нотные издания XVIII – начала XX вв.: сб. источниковедческих трудов / Под ред. И.Ф. Безуглова. СПб.: Российская национальная б-ка, 2003. Вып. 2. С. 66–163.
- Бугославский 1941 – *Бугославский С.А.* Русские народные песни в записи Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 6. С. 183–210.
- Горелов, Иванова 1996 – *Русский фольклор: Библиографический указатель. 1800–1855 / Сост. Т. Г. Иванова; под ред. А. А. Горелова.* СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.
- Гуляев 1848 – *Гуляев С.И.* Этнографические очерки Южной Сибири. Библиотека для чтения. 1848. 90, III: 1–142.
- Карминская 1988 – Отечественные нотные издания первой половины XIX века: сводный каталог. Ч. 1. Кн. 2: Отдельно изданные произведения композиторов: Е–Я / Под ред. Г.В. Карминской. М.: РГБ, 1988.

- Лашенко 2014 – *Лашенко С.К.* Европейские примадонны в России: 1840–1843 // Искусство музыки: теория и история. 2014. № 9. С. 5–37.
- Литвин, Ременец 2015 – Литвин Т.А., Ременец Н.Г.* Репертуар мелодий гатчинского механического органа как характеристика музыкальных предпочтений эпохи Александра II // «Музыка всё время процветала...» Музыкальная жизнь императорских дворцов: материалы научно-практ. конф. / Под ред. С.А. Астаховской, Е.В. Минкиной. СПб.: Свое изд-во, 2015. С. 155–168.
- Сперанский 1913 – *Сперанский М.Н.* К истории песен, собранных А. С. Пушкиным. Сборник в честь 70-летия Д.Н. Анучина. Москва: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1913. С. 207–214.
- Сидельников 1959 – *Сидельников В.М.* Поэтика русской народной лирики. Москва: Учпедгиз, 1959. С. 33–36.
- Сидельников 1965 – *Сидельников В.М.* Русская песня «Лучинушка» // Вопросы фольклора / Под ред. Я. Р. Кошелев. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1965. С. 30–37.
- Строганов 2017 – *Строганов М.В.* Актуализация «Лучинушки». Журнал Института наследия. 2017. Т. 8. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/aktualizatsiya-luchinushki>
- Трухина 2015а – *Трухина Л.Н.* К проблеме становления жанра русской народной песни на эстраде. На примере творчества Ольги Васильевны Ковалёвой: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2015а.
- Трухина 2015б – *Трухина Л.Н.* К проблеме становления жанра русской народной песни на эстраде. На примере творчества Ольги Васильевны Ковалёвой: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2015б. Режим доступа: http://sias.ru/upload/ds-truhina/Disser_Truchina.pdf (дата обращения: 12.02.2019).
- Шнейдерман 1966 – *Шнейдерман Р.С.* Из истории «Лучинушки» // Ученые записки Калининского гос. пед. ин-та, 46: Очерки русской поэзии. Калинин: Калининский гос. пед. ин-т, 1966. С. 99–120.

References

- Bacer D. M., Rabinovich B. I. (1984) *Russkaia narodnaia muzyka: Notograficheskii ukazatel' (1776–1973)* [Russian folk music: A notographic index]. Ch. 2. Moscow: Sovetskii kompozitor. (In Russ.)
- Bogdanov I. A., Men'shih N. V. “*Poiushhii leshii*” (o sluhovoi chutkosti A. S. Pushkina i roli zhivogo zvuchaniia, fol'klornoï zvuchnosti v ego tvorchestve) [“The singing leshiy” (upon acoustic keenness of A. S. Pushkin and the role of live sound and folklore sonance in his works)]. Retrieved from <http://igarbogd.blogspot.ru/2009/03/blog-post.html>. (In Russ.)
- Brezhneva I. V. (2003) *Otechestvennye izdaniia pervoi poloviny XIX veka v biblioteke N. F. Findeizena* [Russian editions of the first half of the

- 19th century in N. F. Findejsen's library]. I. F. Bezuglova (ed.) *Notnye izdaniia v muzykal'noi zhizni Rossii. Rossiiskie notnye izdaniia XVIII – nachala XX vv. Sbornik istochnikovedcheskih trudov* [Sheet music editions in music life of Russia. Russian sheet music editions of the 18th – beginning of the 20th centuries. A collection of works in source studies]. Vyp. 2. Saint Petersburg: Rossiiskaia nacional'naia biblioteka: 66–163. (In Russ.)
- Bugoslavskii S. A. (1941) Russkie narodnye pesni v zapisi Pushkina [Russian folk songs in Pushkin's transcription]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Vyp. 6. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR: 183–210. (In Russ.)
- Vershov B. I. (1978) G. A. Rachinskii [G. A. Rachinskii]. Ju. V. Keldysh (ed.) *Muzykal'naia enciklopediia* [The musical encyclopedia]. T. 4: Okunev-Simovich. Moscow: Sovetskaia enciklopediia: 557. (In Russ.)
- Gorelov A. A. (ed.), Ivanova T. G. (ed.) (1996) *Russkii fol'klor: Bibliograficheskii ukazatel'. 1800–1855* [Russian folklore: A bibliographic index. 1800–1855]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.)
- Guliaev S. I. (1848) Etnograficheskie ocherki Iuzhnoi Sibiri [Ethnographic essays on South Siberia]. *Biblioteka dlia chteniia* [Library for reading], 90, III: 1–142. (In Russ.)
- Karminskaiia G. V. (ed.) (1988) *Otechestvennye notnye izdaniia pervoi poloviny XIX veka: svodnyi catalog* [Russian sheet music editions of the first half of the 19th century: a cumulative catalogue]. Ch. 1. Kn. 2: Otdel'no izdannye proizvedeniia kompozitorov: E–Ia [Separately published works of the composers]. Moscow: RGB. (In Russ.)
- Lashhenko S. K. (2014) Evropeiskie primadonny v Rossii: 1840–1843 [European prima donnas in Russia: 1840–1843]. *Iskusstvo muzyki: teoriia i istoriia* [The art of music: theory and history], (9): 5–37. (In Russ.)
- Litvin T. A., Remenec N. G. (2015) Repertuar melodii gatchinskogo mehanicheskogo organa kak harakteristika muzykal'nyh predpochtenii epohi Aleksandra II [The melodic repertoire of the Gatchina mechanical organ as a characteristic of musical tastes of the era of Alexander II]. S. A. Astahovskaia, E. V. Minkina (eds.) *“Muzyka vsio vremia процветала...” Muzykal'naia zhizn' imperatorskikh dvorcov. Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii* [“The music was always flourishing...” Musical life of the imperial palaces. Materials of the research and practice conference]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo: 155–168. (In Russ.)
- Shneiderman R. S. (1966) Iz istorii “Luchinushki” [From the history of “Luchinushka”]. *Uchenye zapiski Kalininskogo gos. ped. in-ta* [The academic notes of Kalinin state pedagogical institute], 46: Ocherki russkoi poezii [Essays on Russian poetry]. Kalinin: Kalininskii gos. ped. in-t: 99–120. (In Russ.)
- Sidel'nikov V. M. (1959) *Poetika russkoi narodnoi liriki* [Poetics of Russian folk lyrics]. Moscow: Uchpedgiz: 33–36. (In Russ.)

- Sidel'nikov V. M. (1965) Russkaia pesnia «Luchinushka» [The Russian song “Luchinushka”]. Ia. R. Koshelev (ed.) *Voprosy fol'klora* [Issues of folklore]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta: 30–37. (In Russ.)
- Speranskii M. N. (1913) К истории песен, собранных А. С. Пушкиным [On the history of songs collected by A. S. Pushkin]. *Sbornik v chest' 70-letii D. N. Anuchina* [The collection in honour of the 70th anniversary of D. N. Anuchin]. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i K.: 207–214. (In Russ.)
- Stroganov M. V. (2017) Aktualizaciia «Luchinushki» [Actualization of “Luchinushka”]. *Zhurnal Instituta naslediia* [The journal of the Institute of Heritage], 1 (8). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/v/aktualizatsiya-luchinushki>. (In Russ.)
- Truhina L. N. (2015a) К проблеме становления жанра русской народной песни на эстраде. На примере творчества Ольги Васильевны Ковалиовой [On the problem of emergence of Russian folk song genre on scene. As exemplified by the works of Olga Vasil'evna Kovaliova]: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniia. Moscow. (In Russ.)
- Truhina L. N. (2015b) К проблеме становления жанра русской народной песни на эстраде. На примере творчества Ольги Васильевны Ковалиовой [On the problem of emergence of Russian folk song genre on scene. As exemplified by the works of Olga Vasil'evna Kovaliova]: dis. ... kand. iskusstvovedeniia. Moscow. Retrieved from http://sias.ru/upload/ds-truhina/Disser_Truhina.pdf. (In Russ.)

Информация об авторе

Михаил В. Строганов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия; Россия, 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; mvstroganov@gmail.com

Information about the author

Mikhail V. Stroganov, Dr. of Sci. (Philology), professor, A.N. Kosygin Russian State University, Moscow, Russia; bld. 1, bld. 33, Sadovnicheskaya St., Moscow, 117997, Russia; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia; mvstroganov@gmail.com